

ЛИТЕРАТУРНАЯ НЕДЕЛЯ

Обзоры за годъ. — Бунинъ. — «Жизнь Иисуса». — Нобелевская премія. — Голсуорси. — Совѣтскій Гомеръ.

Къ 1-му января принято обозрѣвать все, что произошло за истекшій годъ. Литературному критику вѣняется въ обязанность «обозрѣть» литературу.

Позволяю себѣ уклониться отъ этого обычая. Во первыхъ — потому, что слишкомъ ужъ трудно рассказать на одной страничкѣ о срывахъ и взлетахъ, объ удачахъ и неудачахъ цѣлаго ряда даровитыхъ людей, во всемъ такихъ различныхъ и работающихъ въ такихъ разныхъ условіяхъ. Во вторыхъ... по причинѣ еще болѣе серьезной: обзоры за годъ развиваютъ пессимизмъ и питаютъ меланхолю. Жизнь же наша и безъ того не такая ужъ веселая.

Критику — обозрѣвателю всегда кажется, что все идетъ изъ рукъ вонъ плохо и литература находится въ упадкѣ. Когда — то Корній Чуковский сдѣлалъ любопытное наблюдение. Онъ просмотрѣлъ русскіе журналы съ 1834 по 1910 годъ. Оказалось, что не было года, за который въ какомъ либо ежемѣсячникѣ не появилось статьи, начинавшейся приблизительно такъ:

— Въ наше глухое безвременіе...

— Въ нашу эпоху истощенія творческихъ силъ...

— Теперь, когда иззякли настоящіе таланты...

Съ 1834 по 1910 года! Въ это «безвременіе» жили и писали: Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Тютчевъ, Достоевскій, Толстой, Чеховъ... Судите сами, какая цѣна критическимъ вздохамъ!

Мнѣ тоже хотѣлось бы погрузиться о «безвременіи». Но, наученный горькимъ опытомъ, предпочтитаю воздержаться, и обзорю не давать вовсе. Можетъ быть и среди насъ ходятъ Пушкины и Толстые, а мы по слѣпотѣ своей ихъ не замѣчаемъ.

Лучше не рисковать, не обозрѣвать, не вздыхать.

Замѣчательные писатели у насъ дѣйствительно есть. Не за чѣмъ объ этомъ напоминать.

Бунинъ, долго молчавшій, обнаружилъ на дняхъ новый отрывокъ изъ удивительной своей «Жизни Арсеньева». Отрывокъ — на обычной бунинской высотѣ.

Но обрадованъ онъ всѣмъ не столько самъ по себѣ, сколько какъ доказательство, что Бунинъ по прежнему полонъ силъ и романъ свой не оставитъ незаконченнымъ... «Жизнь Арсеньева» одна изъ тѣхъ книгъ, которая въ истинной своей прелести и значеніи раскрываются не сразу. За эти годы она какъ будто выросла. Никто не знаетъ, каковъ будетъ судъ будущаго. Но если гадать намъ все таки позволено, то кажется, Бунина оно должно будетъ, во всякомъ случаѣ, принять, — послѣ всѣхъ провѣрокъ, послѣ всѣхъ «перещѣвокъ».

«Митина любовь» и «Жизнь Арсеньева» созданы не только большимъ художникомъ, но и большимъ человѣкомъ.

О книгѣ Мережковского «Иисусъ Незвѣстный» надо было бы или написать обстоятельную статью, или промолчать... Промолчать изъ уваженія къ писателю, конечно. «Иисусъ» — дѣло всей его жизни, книга, къ которой онъ медленно и вѣрно шелъ сквозь всѣ свои прежнія увлеченія. Какъ же можно

«уложить» ее въ короткій отзывъ? Да и тема такая, что неловко примѣнять къ ней обычныя критическія выраженія, хотя бы и самыя лестныя.

Я читалъ «Иисуса» пять дней подрядъ, съ утра до вечера, не отрываясь. Нѣкоторыя страницы возбуждаютъ страстное желаніе спорить съ авторомъ, — но книгу нельзя все таки забыть. Какимъ — то холоднымъ, сдержаннымъ, глубокимъ огнемъ озарена она. Каждое слово входитъ въ сознание, и надолго остается въ немъ.

Укажу на нѣкоторыя блестяще — шаткія формулировки и опредѣленія.

Напримѣръ, — о книгѣ Ренана:

— Евангеліе отъ Пилата.

Если не ошибаюсь, Оскаръ Уайльдъ сказалъ о Ренанѣ: «Евангеліе отъ Фомы».

Но «отъ Пилата» — много вѣрнѣе и глубже.

Я умышленно поставилъ имена Бунина и Мережковского рядомъ.

Это два знаменитѣйшихъ русскихъ писателя изъ тѣхъ, которые находятся въ эмиграціи. О нихъ говорили, какъ о вѣроятныхъ кандидатахъ на Нобелевскую премію.

Но еще разъ Россію и русскую литературу въ Стокгольмѣ обошли. Премія присуждена англичанину Голсуорси.

Обижаться было бы неумѣстно. Съ насъ достаточно сознания, собственного достоинства, — и ничего больше не нужно. Кроме того, когда вспоминаешь, что премію не получилъ и Левъ Толстой, становится ясно, что помимо оцѣнокъ чисто — литературныхъ, въ Шведской академіи руководствуются еще и какими то другими, таинственными соображеніями. Кто же тридцать лѣтъ тому назадъ могъ соперничать въ славу съ Толстымъ? Пожалуй, одинъ только Ибсенъ, но никакъ не скучный и прѣсный Сюлли — Приюдомъ, который былъ первымъ нобелевскимъ лауреатомъ. Въ Стокгольмѣ отлично сознавали, что Толстому надо бы дать премію. Но притворились, что не понимаютъ.

Значитъ, нечего теперь удивляться, если не удостаиваютъ своимъ вниманіемъ Мережковского или Бунина.

Надо, однако, сказать, что Голсуорси премію вполне заслужилъ. Несмотря на нѣкоторую горечь — естественную у насъ сейчасъ въ отношеніи къ нему, — слѣдуетъ судить безпристрастно. Это умный и глубокой романсистъ, одинъ изъ самыхъ одаренныхъ, какіе есть сейчасъ въ Европѣ. Самъ по себѣ — выборъ отличный.

Въ нѣмецкихъ газетахъ промелькнуло сообщеніе, что русскихъ писателей обходятъ въ Стокгольмѣ по причинѣ весьма простой.

Россіи сейчасъ нѣтъ. Есть СССР и эмиграція. Если дать премію совѣтскому литератору, возмутится эмиграція. Если «увнчать» лауреата эмигранта, протестовать будетъ Москва. Во избѣжаніе конфликтовъ и недоразумѣній, лучше подождать, когда оба лагеря примирятся.

Объясненіе правдоподобное. Въ совѣтской печати, дѣйствительно, шумъ и вой поднялся бы невѣроятный, если бы премія досталась Мережковскому или Бунину. Тамъ есть свой кандидатъ, только что справившій свой юбилей и по этому случаю превознесенный до небесъ, до сравненія съ Шекспиромъ и Гомеромъ — Максимъ Горькій.

О талантѣ Горькаго и личности его, можно быть какого угодно мнѣнія. Но имя безспорно, громкое, почти «міровое». Неудивительно, если шепетильные шведскіе академики были смущены необходимостью выбрать между нимъ и писателемъ — эмигрантомъ.

Горькій, кстати, закончилъ не такъ давно крупнѣйшее свое произведеніе — огромный романъ «Жизнь Клима Самгина».

Три тяжелыхъ тома. Безчисленное количество дѣйствующихъ лицъ. Калейдоскопъ событий, сценъ, эпизодовъ... По широтѣ замысла — нѣчто вродѣ «Войны и мира», однимъ словомъ. Думаю, однако, что никогда ни въ одной книгѣ Горькаго истинные размѣры его дарованія не были такъ ясны.

Онъ пожелалъ «сбѣять необъятное» — и не рассчиталъ своихъ силъ.

Романъ безжизненъ и вялъ. Увы, это не «Война и миръ». Отдѣльныя страницы очень хороши, но цѣлаго какъ бы не существуетъ оно разваливается, едва только Горькій пытается склеить его.

У насъ принято теперь, — по извинительнымъ и понятнымъ побужденіямъ, — сводить значеніе Горькаго на нѣтъ. Онъ, будто бы, и не художникъ вовсе, а всего лишь грубый ремесленникъ. Разумѣется, это не такъ: Горькій очень талантливый человѣкъ, превосходный мастеръ мелкихъ вещей... Но онъ далеко не гений, какимъ его въ совѣтской Россіи пытаются представить. Даже въ современной русской литературѣ есть нѣсколько писателей болѣе значительныхъ, болѣе долговѣчныхъ, чѣмъ онъ. Кажется, и въ Европѣ начинаютъ это понимать.

Георгій Адамовичъ.

О КНИГѢ СЕРГѢЯ ГОРНАГО «РАНЕЕЙ ВЕСНОЮ»

«Въ полѣ каждую былинку, въ небѣ каждую звѣзду»...

Каждую былинку въ полѣ знаетъ Сергій Горный. Каждую былинку жизни онъ знаетъ, подмѣчаетъ, крѣпкой памятью любитъ. Какъ знатокъ самоцвѣтовъ, перебрасываетъ онъ горсточку драгоцѣнностей и не можетъ оторваться отъ нихъ. Онъ ворожитъ своими камушками, ворожитъ и завораживаетъ. Невольно для себя, чувствуешь себя втянутымъ въ его игру, входящій въ его міръ, такой убѣдительный и яркій. Это — царство вещей, гдѣ все начинается казаться своимъ и роднымъ. Дѣтство Горнаго дѣлается нашимъ дѣтствомъ, его Царское Село — нашимъ Царскимъ Селомъ.

Горнымъ выпущено уже нѣсколько книгъ, и у него свое «лица не обіеже выраженіе». Каковъ его путь, какія «мрежи» сужденія ему, каковъ его писательскій гороскопъ? Останется ли онъ въ «вещномъ» планѣ, или «покорный общему закону» русскаго писателя, онъ потянется къ «сионскимъ высотамъ»?

Его послѣдняя книга «Ранней весной» даетъ указанія, что путь этотъ для него неизбеженъ. Мелькаютъ мысли о смерти, слышны новыя, скорбныя ноты, а главное, въ его вещномъ царствѣ появился неожиданно чародѣй, открывающій новые міры, появилась новая, обаятельная «былинка» — маленькая дѣвочка «Морошка».

Въ области косметики — новая сенсация. Въ продажу выпущены недавно... искусственныя рѣсницы. За сравнительно небольшую цѣну можно купить пару подходящихъ «паричковъ» и опытная гримировальщица быстро приклеитъ ихъ такъ, что никто не замѣтитъ поддѣлки.

Другая наша фотографія, изображаетъ знаменитаго голливудскаго гримера Шора и наглядно иллюстрируетъ его «достиженія». Попробуйте попеременно закрывать половины лица его клиентки и вы увидите, что чудодѣйственное искусство гримера превращаетъ дурнушку въ настоящую красавицу.

СЛУЧАЙ

(Окончаніе; см. стр. 15).

Уже подходя къ дому, Лейзъ увидѣлъ мальчика, играющаго на старой дребезжащей мандолинѣ. Длинные грязные пальцы ребенка неуверенно дергали струны и не попадали на нужные лады. Худое лицо съ темными глазами было серьезно и старчески озабочено. Легкіе негустые волосы поднялись отъ вѣтра забавнымъ хохолкомъ. Онъ игралъ какой-то избитый европейскій вальсъ и странно звучалъ веселый, точный, на три четверти тактъ въ механическомъ какъ шарманка уныломъ, исполненіи мальчика. Лейзъ остановился, досталъ изъ кармана мелочь и бросилъ въ кепку ребенка.

Морошкой полны лучшія главы его книги. Морошка испытала какую-то обиду, огорчилась...

«И задумалась. Гдѣ-то далеко, глубоко въ глазахъ показалась пленка раздумья, тоски, загадка».

«Въ короткую паузу между двумя вѣчными глазами только и можно увидѣть складки, красное пятно, что-то вязаное, бѣлое, дѣтскія ручки безъ рукавовъ».

«Вотъ эта дѣтская ручка безъ рукавовъ и есть ведущая рука, которой Горный доверяется. Она ведетъ Горнаго въ тѣ міры, гдѣ вѣчныя звѣзды на вѣчномъ небѣ».

И увидитъ Сергій Горный не только «въ полѣ каждую былинку», но и «въ небѣ каждую звѣзду»...

Увидитъ, и намъ покажетъ.

А. Румановъ.

СЕКРЕТЫ КРАСОТЫ

Искусственныя рѣсницы
Чудеса голливудскаго гримера

— Благодарю васъ, сказалъ онъ съ привычной монотонной интонаціей и вдругъ Лейзъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ кепкѣ ребенка было гораздо больше денегъ, чѣмъ у Лейза отъ его уличнаго концерта.

— Странно, подумалъ Лейзъ, въ чемъ тутъ дѣло? Онъ отошелъ въ сторону и остановился, наблюдая за мальчикомъ. Большинство прохожихъ давали ему деньги. Никто не останавливался, никто не слушалъ его вальса, но при взглядѣ на ребенка лица людей странно смягчались, на мгновенье уходила озабоченность, у женщинъ мелькала улыбка, короткая, но матерински нѣжная. Лейзъ наблюдалъ съ напряженной внимательностью и постепенно понималъ, что толпа торпливая, поработанная подневольной работой, дикимъ ритмомъ первобытно тяжелой и усложненной городской жизнью, эта толпа не можетъ остановиться, вслушаться, вникнуть и понять музыку. И не за фальшивые звуки разбитой мандолины давали деньги прохожіе, а оттого что жалокъ имъ былъ маленькій нищій — музыкантъ, жалокъ былъ ребенокъ слишкомъ рано вышедшій на борьбу съ жизнью. Вѣроятно никто даже не обратилъ вниманія, хорошо или плохо игралъ мальчикъ.

— Неужели же искусство — роскошь, нужная только меньшинству, вознесенному жизнью, думалъ Лейзъ, вспоминая свои концерты, нарядную публику охваченную плѣномъ музыки. —

— А для большинства оно только привычное развлеченіе въ часы короткихъ досуговъ, спросилъ себя Лейзъ и внезапно изъ тайниковъ памяти выплыла Венеція прошлыхъ вѣковъ, блескъ комедіи дель-арте, народъ увлеченный ею, народъ импровизирующій, самъ охваченный творчествомъ, то аплодирующій, то освистывающій, то хохочущій отъ всего сердца.

— Но и я годы и годы заставляя своей скрипкой радоваться, плакать людей и этого не могъ бы сдѣлать случай блестящій, но короткій, какъ фейерверкъ, а только сила искусства, только талантъ.

Нѣсколько минутъ Лейзъ снова взглядывался въ лица прохожихъ, въ ихъ хмурые глаза, торпливую походку.

— Устали люди и оттого такъ труденъ теперь путь къ человѣческому сердцу, подумалъ Лейзъ и отъ этой мысли стало спокойно и грустно, какъ въ опустѣвшей церкви.

Лидія Часингъ.

РУССКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА въ ПАРИЖѢ

XIV учебный годъ. имени леди Лидіи Павловны Детердингъ. XIV учебный годъ. (ГИМНАЗІЯ И РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ)

29, Boul. d'Auteuil, Boulogne-s.-Seine. (Métro: Porte d'Auteuil ou Molitru)

Приемъ во всѣ классы (два подготовительныхъ; I-III)